

Лекция 15. Русская идея

Прежде всего поговорим о русской идее в контексте западных идей, в противоборстве с этими влияниями, о том, как эта идея формировалась, преображалась и изменялась, а к сегодняшнему дню медленно разрушается. Но что делать? Никакие идеи не живут вечно. Вообще сегодня выражение «Русская идея» не уходит со страниц прессы, в том числе солидных, философских журналов. Много об этом говорят как в России, так и за рубежом. Почему так случилось? Потому, видимо, что Россия оказалась в некоем «обвале», как говорил Солженицын. Не виновата ли здесь Русская идея? Нет ли ошибки в самой идее, раз мы до такого состояния дошли? Конечно, нашлись русофобы, которые сказали, что эта идея ложная с самого начала, да и вообще никакой идеи не было. Взяли ее у византийцев и пользовались тем, что взяли. Совсем недавно дело доходило до того, что было предложение создать комитет при президенте, который занимался бы разработкой Русской идеи. Нужно было придумать систему мероприятий, чтобы как-то улучшить наше положение и все это назвать Русской идеей. Но Русская идея – это другое, это не система мероприятий, это система мыслей о русском народе, о его пути. Причем система мыслей, которая складывалась очень долго, на протяжении нескольких веков. И, в сущности, самое трудное – это осознать, что идея не придумана, а возникла естественным путем, сама собой.

Прежде всего, Русская идея – это то, как сам народ осознавал свой путь, это русское национальное самосознание, выраженное в определенной философской и художественной форме. Само словосочетание Русская идея появилось сравнительно недавно – в октябре 1860 г., когда Достоевский в одной из своих статей употребил его. Я скажу об этой статье. Но вот философ Иван Ильин уверял, что возраст Русской идеи – не меньше 1000 лет. И складывалась она прежде всего на основе христианства, в процессе развития русского мировоззрения, в процессе формирования русской государственности, культуры, языка, уклада жизни. И складывалась она не по заданию, а естественным путем, и этот путь все время пересматривался, осмыслялся, намечались новые стратегические задачи, цели. Если встать на религиозную точку зрения понимания Русской идеи (на такой точке зрения стояли Владимир Соловьев, Николай Бердяев и Достоевский в какой-то мере), то получается, что идея как бы дана свыше, это замысел Божий, который должен воплотить в жизнь сам народ, чтобы оправдать свое существование в этом мире. Если говорить громкими словами, чтобы оправдать свое бытие в мироздании. То есть национальная идея, и в данном случае русская, окружена религиозно-мистическим ореолом. Поэтому трудно дать четкое определение тому, что есть Русская идея. Я, например, не могу прийти

в аудиторию и четко расписать по пунктам, что такое Русская идея. Приходится поступать по-другому: как бы вживаться в сам процесс формирования этой идеи. Если рассматривать Русскую идею в области культуры, то не только письменные источники будут фиксировать ее, она выражена не только в философии и публицистике, но и в живописи, в музыке, в художественной литературе, естественно, в религиозных представлениях.

Были такие периоды в русской истории, когда наиболее полно Русская идея воплощалась в иконе, – это XV век. В очень хороших статьях князя Евгения Николаевича Трубецкого «Три очерка о русской иконе» возвышенным языком говорится о роли икон в освобождении русского народа от татарского ига. Вроде бы монголы и поработили, и многое поняли, как собирать, допустим, налоги, эксплуатировать те или иные ресурсы нашего народа, но они не учли духовной силы христианской религии в русском варианте, духовной силы храмов и икон. Вот об этом Трубецкой очень красочно написал. Скажем, в эпоху Петра I, Елизаветы Петровны, да и Екатерины II Русская идея очень активно воплотилась в градостроительстве, в архитектуре. Сама мысль Петра I построить новый град – мысль очень дерзкая. В определенной мере она, конечно, европейская. Ну и огромное внимание к архитектуре: впервые в таком масштабе стали строить в России дворцы. Не было у нас таких дворцов ни в XV, ни в XVI, ни в XVII в., а здесь огромные масштабы гражданского строительства. Потом государственные учреждения. В так называемый Золотой век, эпоху Пушкина, Русская идея была глубже всего раскрыта в поэзии, а литературоцентризм у нас в полной мере осуществился только во второй половине XIX в. – в эпоху Достоевского, Толстого и других великих писателей. И вот когда мы читаем в текстах о Русской идее, то смотрим, в каком смысле о ней говорится – в узком или в широком. В широком значении Русской идее, по Ивану Ильину, 1000 лет. В этом смысле мы можем сказать, что вся полнота Русской идеи выражена в высших достижениях русской культуры и в практической деятельности русского народа. Но если понимать национальную идею в более узком смысле, то она начинается с такого момента, когда появилось само словосочетание *Русская идея*, т.е. в 1860 г. Профессор Московского университета Арсений Гулыга (он работал на философском факультете) написал книгу «Русская идея и ее творцы» (М., 1995). Он понимает русскую идею в узком смысле – он называет всего 12 философов и писателей, у которых и раскрыта эта Русская идея. Вслед за Достоевским словосочетание *Русская идея* употребил В. Соловьев, а его брошюра «Русская идея» (1888) впервые была издана на французском языке. И на Западе эта идея стала популярна.

Небольшую книгу под названием «Русская идея» написал Николай Бердяев – в

основном он дал обзор русской философской мысли о предназначении русского народа. Ну и дальше во многих книгах и статьях стало употребляться это словосочетание. У нас есть две антологии, которые так и называются – «Русская идея». Одна составлена заведующим кафедрой русской философии на философском факультете МГУ Михаилом Маслиным и издана в 1992 г. Другая, сборник статей, вышла в 2002 г. В ней больше текстов. Мне думается, что Арсений Гулыга сужает понятие Русской идеи. Он называет всего три источника. Прежде всего, это немецкая философия. Но до немцев давно уже существовали те сходные идеи, о которых он в своей книге говорит. Еще раз обращаю ваше внимание: Русская идея не выдумывалась литераторами, писателями, философами – она формировалась в гуще жизни самой нации, и можно сказать, что развивалась она и простыми людьми, и элитой, и государственными мужами, и деятелями культуры. Ведь такие вопросы как: кто мы? откуда мы? зачем пришли в этот мир? куда идем и когда исчезнем? – совершенно естественны у народа, который представлен в истории человечества больше чем тысячелетием. Если в полной мере ответить на эти вопросы, то и получится Русская идея. Почему и случайно ли мы оказались на громадной территории? Теперь эта территория тает на наших глазах. Говорят, что мы исчезаем по 1 млн в год. Страшно...

В таком случае национальная идея, а именно русская, имеет сложную структуру. В самой по себе Русской идее есть не только русскость, но и цивилизационная идея, которая принадлежит и другим народам, сплотившимся вокруг русского народа в построении цивилизации «Россия». И государственная идея тоже входит в понятие Русская идея. И наконец, все это заключено в религиозно-мистическую ауру. Идея в этом случае понимается совершенно иным путем, чем умозрительно-философские построения, которые характерны для тех, кто хочет спланировать Русскую идею и расписать, что нам делать дальше. В этом смысле народ можно сопоставить с отдельной человеческой личностью. Философ Лев Карсавин так и говорил, что народ – это симфоническая личность, некое духовное целое. Для отдельной личности характерно думать о себе: кто я такая? как мне правильно жить? Думать не только о том, как выйти замуж, но и о других вещах. Так и народ думает не только о том, чтобы только выжить. Вот на этнографическом уровне часто стоит вопрос выживания. Но идея создает большое духовное пространство, в каком и обитает народ.

Дальше я хотел бы сказать об одной очень сложной проблеме – о понятии национальной идеи, которое связано как с русским, так и с другими народами. Ее нужно понимать, прежде всего, как осмысление своего предназначения в истории человечества. Может быть, как некое идеальное представление народа о себе самом, как образ

идеальной жизни, о том, как бы он хотел жить и что хотел бы делать в этом мире, если бы ему были даны полная свобода, полные возможности и ресурсы. Национальная идея есть у немцев, итальянцев, французов, китайцев. Возможно, у кого-то она не так четко сформулирована, как в нашей философской традиции, но она есть. Причем национальная идея – довольно сложное образование. Например, часто говорят, что национальная идея у французов – это прекрасная Франция. «Прекрасная Русь» не скажешь. Это один из истоков идеи Франции, но по содержанию и по структуре, конечно, если говорить о национальной идее французов, все гораздо глубже и разностороннее, чем просто выражение «прекрасная Франция». В дальнейшем у нас речь пойдет и о французах, и о британцах, и об итальянцах, и о немцах, и об испанцах. И я сейчас не буду подробно говорить об их национальных идеях, но один пример хотел бы объяснить подробнее, чтобы вы на этом примере почувствовали, что такое национальная идея и как долго она движет народом и живет в народе, как она из одного народа делает совершенно другой народ. И даже из одной цивилизации путем какой-то трансформации получается другая цивилизация. И на глазах буквально в течение 300 лет образовалась национальная идея, обладающая большой внутренней энергией. Эта энергия сохраняется и до сих пор. Вы уже догадались, что я хотел привести в пример американскую идею, американскую мечту. Это тоже очень сложное национальное единство. Немного отступлю от Русской идеи – это важно для лучшего ее понимания. Вы представляете, как после открытия Америки заселялась территория и Южной, и Северной Америк. Англичане проникли туда в конце XVI – начале XVII в. Тогда же они организовали первую колонию в Северной Америке – Виргинию. Дело было еще при Елизавете. Первым городом в Виргинии стал Джеймстаун (1607). В этой колонии англичане жили очень трудно. Периодически они все умирали от голода или их уничтожали индейцы. Поначалу это были золотоискатели, которые почти все исчезли. Потом начал прибывать народ. Колония как колония. Приехали, чтобы поискать золотишко, т.е. заняться делом. Но что интересно: у них не было идеи, вернее, была одна идея – пожить. Вот когда они почти все вымерли, появился спасительный рычаг – табак. Виргиния стала производителем табака, за счет чего колонисты стали выживать. Работать на табачных плантациях было страшно трудно, и тогда они придумали завозить негров-рабов из Африки. Первых рабов привезли в 1619 г. из Западной Африки, а потом вообще юг Америки все больше и больше заполнялся рабами, привезенными в чудовищных условиях из Африки. Тот, кто приехал в трюмах и остался живым, был настоящий работник. И представьте: юг все больше заполнялся рабами. Юг как бы и не был охвачен никакой благородной идеей. А через 250 лет началась страшная жестокая гражданская война между Югом и Севером Америки. Но это уже было в 60-е

годы XIX в.

А вот другая колония содержала в себе идею. Колонисты, помимо того что ехали на корабле, везли в душе своей идею. И эта идея и породила Соединенные штаты Америки. Итак, в декабре 1620 г. пароход «Мейфлауэр» прибыл к одному из северных берегов нынешних США. Ехали пуритане, которые откололись от англиканцев, но тоже христиане, так называемые «отцы пилигримы». Они основали новый Плимут. Вот здесь и открывается исток американской идеи. Но пока что это англичане с мечтой о новой земле, о преддверии рая, о великом городе. Фанатичная религиозная мечта пуритан соединялась с практическим освоением новых территорий. Уже на корабле между теми, кто ехал в эту колонию номер два, было достигнуто соглашение: делались увещевания друг друга, произносились пастырские речи. Один из отцов пилигримов вел дневник и там записывал свою проповедь, которую произносил на корабле. Он говорил о том, что скоро они увидят совершенно новый мир. И все, что ни делалось затем колонистами, в их сознании делалось по велению Божью, по Божественному предопределению. Это Бог так определил, чтобы они откололись от основной церкви, поехали в неизведанную страну и там строили новый мир. Ключевым, таким образом, получается слово *новый*: Новый Свет, Новая Англия (это восточное побережье). В Новой Англии, как записывает пастырь, волей Божьей будет сотворено новое чудо, построен прекрасный город. Что было сотворено в Новой Англии, мы сейчас не обсуждаем, но, по замыслу, это должен был быть святой город, город на Холме (в другом переводе – город на Горе), – так предсказал пророк Исаия. Получается, что пророк предсказал Америку. Он говорил, что будет Гора и над ней воздвигнут Дом Бога, который будет судить всех. Кстати, там Бог призывал перековать мечи на орала. Тут как-то не получается, но это другое. Итак, город на Холме. Это мечта пуритан: сакральное место, новый центр христиан, основанный по Божественному промыслу, начало Царства Божьего на земле. Не буду здесь много говорить, потому что нам нужно вернуться к Русской идее. Но очень важно почувствовать силу идеи, возникшей среди небольшой группы христиан и ставшей великой национальной идеей. И получалось так, что все, что дальше делали колонисты, было по велению Бога. Даже несчастья, которые совершались с индейцами, тоже были по велению Бога. Было две чумы. Одна в 1619 г. – вымерло все племя массачусетс. И в 30-е годы XVII в. была чума. Даже не надо было истреблять индейцев – сами вымирали. Затем еще было много всего. Индейцы оказались тоже достаточно жестокими и сопротивлялись колонистам. Я процитирую современного американского философа Томаса Бейлифа. Эту выразительную цитату я привожу не для того, чтобы критиковать Америку или Американскую идею, а чтобы показать, как на глазах формируется национальная идея. Бейлиф пишет:

«Убеждение в том, что мы являемся избранным Богом народом и обладаем Божественным мандатом распространять наши благородные демократические институты по всему остальному погруженному во мрак миру, поощряло нас нести на себе бремя белого человека». Несут бремя до сих пор... «Мы, американцы, продолжаем верить, что являемся могущественной нацией не потому, прежде всего, что нас наделили чудесными природными ресурсами, а потому, что в наших генах было нечто врожденное, которое дало возможность стать великими». Не буду комментировать эти слова, но когда нас упрекают в мессианизме Русской идеи, будто мы зазнались, слишком много на себя взяли, собираясь спасти мир, хочется напомнить эти слова. Не одни мы взяли на себя этот труд. Оказывается много желающих. Но какова сила идеи! Оказывается, безыдейные виргинцы еле-еле выжили, а эти построили мощное государство, действительно великое государство. Правда, еще нужна была революция 1876 г., чтобы поставить на прочную основу демократическое государство. Здесь отцы пилигримы, а здесь отцы-основатели этого государства. А в целом идея совершила чудо.

Вот такой, как американская мечта, русской мечты не было, потому что была своя земля. Еще из дохристианской Руси к нам пришло чувство священной земли, чувство красоты самой земли и своей земли. Не нужна была никакая чужая земля, нужно было только украсить свою. И не нужно было, конечно, истреблять никаких автохтонов, потому что мы здесь жили издавна и жили совершенно в другой ситуации. Но идея все равно нужна была. Без нее народ гармонически существовать не мог. И постепенно эта идея как бы раскручивалась. Идея, прежде всего, христианская, но с учетом элементов дохристианской Руси. Это же язычники выбрали византийское христианство – им понравилась красота богослужения, убежденность философов в своей вере и многое другое. Русскую идею критикуют, прежде всего, за мессианизм, именно мессианская идея раздражает больше других. Недавно в «Независимой газете» я прочитал мнение политолога и историка Капустина, автора книги о русской утопии, где он разоблачает коммунизм. О Русской идее он написал, что она «продукт психологии нации, больной манией величия».

А дальше речь пойдет об этапах Русской идеи, о том, как она формировалась, даже разрушалась, а потом вновь восстанавливалась. То же самое происходило и с нашей цивилизацией. Вот такой принцип инверсии – возврат к прежней идее. Этот принцип инверсии тоже раздражает многих философов. Говорят, в этом принципе инверсии и есть секрет догматизма и затхлости Русской цивилизации. Ученым непонятно, почему идут вперед или наоборот совсем погибают, а потом снова возрождаются. Почему возрождаются, не очень ясно. Наверное, это происходит потому, что сохраняется некая

константа Русской цивилизации. Возрождение и основано на этой константе, на Русской идее в первую очередь. Когда государства практически нет, как было в смуту 1612 г., и почти все, так скажем, высокооплачиваемые чиновники побежали к иноземцам, где-то в глубинке был получен патриотический импульс: где-то в Нижнем Новгороде организуется какая-то дружина, и с Казанской иконой Божьей Матери они идут освобождать Москву. И освобождают. Импульс был именно от русской патриотической идеи, от религиозного, конечно, начала. Как вы помните, поляки так и не взяли Троице-Сергиеву лавру, потому что монахи там были такими идейными, что победить их было невозможно. Вот это возрождение на базе Русской идеи, когда казалось, все обрушилось, – это вообще характерно для нашей цивилизации. Так же, как в борьбе с татаро-монгольским нашествием. Идея вдохновляла народ и освобождала от ига.

Сегодня я буду говорить об идее Святой Руси, о противопоставлении Закона и Благодати. А в следующий раз – уже о преобразении этой идеи в государственную: «Москва – третий Рим». Затем еще один этап – идея священной Российской империи. Утверждение Арсения Гулыги в книге «Русская идея и ее творцы», что «Русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении», мне кажется верным, потому что в Русской идее в отличие от многих других национальных идей заложена тревога, я бы сказал тоска. Я уже говорил о религиозно-мистическом ореоле, который окружает Русскую идею. В нем есть эти тревога и предчувствие беды и есть ощущение, что надо что-то делать, чтобы эту беду предотвратить. Насколько я могу представить себе, в других национальных идеях этого нет. Русская идея имела цель объединить человечество в высокую общность, преобразовать фактор космического развития, чтобы уйти от этой беды, погасить в себе это чувство тревоги. Об этом писали Достоевский, Бердяев (последний особенно много об эсхатологическом чувстве русского народа). А вот если кратко изложить мысли Достоевского (в полной мере они представлены в его речи «Пушкин»), то в октябре 1860 г. в небольшой статье «Объявление о подписке на журнал "Время"», который издавал его брат Михаил Михайлович Достоевский, он писал о том, что «наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и народных начал. И характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий. Русская идея (здесь это словосочетание употреблено впервые. – *В.Ф.*) должна быть синтезом всех идей, которые развивают народы и, прежде всего, народы Европы». И дальше излюбленное Достоевским понимание русского национального характера. «Недаром же мы говорим на всех языках, понимаем все цивилизации, сочувствуем интересам каждого европейского народа, понимаем смысл и разумность явлений, совершенно нам чуждых». В эпоху Достоевского

русский язык знали очень немногие, а мы говорили на всех европейских языках, читали в оригинале и могли освоить и осмыслить все национальные идеи. И эти идеи в Русской идее как фокусе. Это синтез всех благородных начал, которые заложены в идеях других народов. И естественно, основа идеи спасения человечества заложена в христианстве. Это у Достоевского.

А теперь обратимся к древности. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона. Митрополит Иларион – это русский митрополит. «Слово о законе и благодати» датируется 1050 годом. На Руси прежде были византийские митрополиты, но при Ярославе Мудром государство набрало такую силу, что митрополит был свой. «Слово о законе и благодати» по традиции считается первым литературно-публицистическим текстом – с него начинается вся древнерусская литература и вся русская литература. И в этом первом тексте уже есть начало Русской идеи. Хотя сама по себе эта идея выражена по-христиански, даже на греческий манер достаточно сложным публицистическим образом. Смысл ее сводится к противопоставлению закона и благодати. По закону нужно было жить в прошлом, этот этап человечество уже прошло. А теперь нужно жить, и думать, и мыслить по благодати. Закон двусмыслен сам по себе. Закон может охранять и преступников. Речь не идет, конечно, о примитивном законе. Закон относится к Ветхому Завету, а благодать – к Новому Завету и христианству. Святая Русь здесь употребляется как первичный замысел Русской идеи. Мечты о земле, осененной Божьей благодатью, населенной народом, воспринявшим Благоую Весть и принявшим в себя Свет Истины. Спасение себя и спасение других народов – в Христовой вере. Я не буду подробно говорить об этом, но еще раз подчеркну, что чудо благодати и святости – вот что главное в жизни Святой Руси. Представление о совершенном человеке, который живет не по закону, а под действием благодати, т.е. о гармонической личности. Мысли о вере, праведности, совести, нестяжательности. Здесь уже представлено смысловое богатство понятий «совесть», «правда», «милосердие», «радость», «любовь». Все это затем активно развивается в древнерусской традиции.

Если в «Словаре древнерусского языка с XI по XVII век» посмотреть значение этих слов, то богатство и многообразие обликов русских людей, идущих к правде, поразительно. Мученики за веру, святители, подвижники, воины-герои, юродивые. Все-таки я хотел бы вам привести одну цитату из «Слова о законе и благодати». Все «Слово...» обращено к князю Владимиру. Князь Владимир в сознании митрополита как бы живой, хотя он умер в 1015 г., а слово произносится в 1050 г. «Встань, ты не умер... отряси сон, возведи очи... Узри же и город, величеством сияющий, узри же и церкви цветущие, узри христианство растущее. Узри город, иконами святых освященный и

блистающий и фимиамом курящийся, и хвалами, и молитвами, и песнопением святым оглашаемый». Согласитесь, несколько витиевато. Но это на манер греческого языка. Вот такая публицистика. Представьте себе, что это первое произведение в русской литературе, и уже так мудро. «...вся земля наша восславил Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда начал мрак идольский от нас отходить, и зори благоверия явились. Тогда тьма бесслужения погибла, и Слово Евангельское землю нашу осияло». Вот и борьба со злом в этой речи. Дальше очень подробно об этом говорится. «Слово о законе и благодати» открывает антологию «Русская идея». Один из первичных импульсов Русской идеи именно здесь, у митрополита Илариона.

А теперь я хотел бы снизить научный уровень того, о чем говорю, и сказать своими словами. Благодать, возможно, приходит и к простым людям, а не только к святым, мученикам. Иначе как тогда жить? А идея Святой Руси есть, мы живем ей, думаем о ней. Ну пусть не мы, но философы: и Достоевский, и Бердяев, и Лосев, который был очень верующим и православным, хотя занимался Античностью, Средневековьем и вообще многими языческими примерами. Приведу две цитаты писателя и философа, который неприятен мне и книгу его я не люблю. Мистик, который использует какую-то масонскую терминологию, масонскую образность. Это сын писателя Леонида Андреева Даниил Андреев. Однажды я цитировал его письмо к жене из Владимирской тюрьмы. Там были слова: «Я не европеец, я не азиат, я русский, а Россия – это огромная область мировой культуры». Д. Андреев сидел до войны в тюрьме, потом его отпустили повоевать, он дошел до Берлина, а после опять посадили во Владимирскую тюрьму. Там он работал над своей книгой и писал стихи. Как поэт он мне очень нравится, интереснейший поэт, особенно там, где не развивает свои мистические идеи, а просто говорит о своей любви к России, о ее прошлом и будущем. Так вот именно у Даниила Андреева я нашел мысль о том, что простые люди тоже находятся под влиянием благодати:

«В монастырях Киевской и Московской Руси, так же, как и в обителях более поздних времен, проходили незаметно свою жизненную тропу не светочи святости, но тихие души, менее богатые дарами, молча и смиренно вносявшие свою лепту в религиозное творчество, соборный труд духа... Во все эпохи русской истории тысячи мужиков – огнищан, смердов, тяглых крестьян, крепостных и вольных, просто и чисто проживших свой век, совершали труд посевов и жатв как возложенный на них Богом долг, с благоговением и благодарностью к Матери-Земле, и умирали простой и ясной смертью, веруя и простив всех. Во все эти эпохи тысячи матерей несли свой крест, воспитывая людей, достойных имени человека и в служении этому делу полагавших смысл своей жизни. Разве это не одно из самых высоких творчеств?» – спрашивает Даниил Андреев.

Просто жить и делать то, что предназначено Богом. Жить ясной, чистой жизнью. Это и есть идея Святой Руси. Это и есть прожить жизнь достойно во имя Бога, или, как говорят (но это уже доступно больше святым), жизнь в Боге. И вот эта концепция жизни на Руси, чистой и честной, которая обозначена у митрополита Илариона, может быть, наибольшее открытие русского народа и является великим вкладом в мировую цивилизацию. Хотя я представляю, что и у других народов есть похожие идеи. Но из какой глубины идет эта идея! Я обращаю внимание на то, что не только святые находятся под влиянием благодати, но и простые люди. Это мнение Даниила Андреева. Вообще этот философ, конечно, еретик для церкви. Например, в своей книге «Роза мира» он предлагает третью ипостась – Святой Дух – заменить образом Божьей Матери. Предлагает разрушить Троицу. Эти предложения были уже давно, еще в позднее Средневековье, так что не он их придумал. Но вместе с тем интересны его высказывания о простой Руси. И в заключение небольшой стихотворный текст Д. Андреева – обращение к Божьей Матери. Я читаю этот текст только потому, что мысль тут простая: мы живем в Москве, а Москва – самое святое место на Руси, и мы находимся под благодатью этого святого места. И Покров Божьей Матери, Ее Омофор как бы защищает Москву от многих-многих злодеяний. Такова жизнь: святое находится рядом со страшным (если посмотреть на количество казино в Москве), но мы идем своим путем, не обращая внимания на разные мерзости жизни.

Перед близким утром кровавым
В тишине свечу мою теплою,
Не о мзде неправым и правым,
Не о селах в прахе и пепле,

Но о ней – о восьмивековой,
Полнострастной, бурной, крамольной,
Многошумной, многовенцовой,
Многогранной, рабской и вольной!

Ведь любовью полно, как чаша,
Сердце русское, ввысь воздето,
Перед каменной матерью нашей,
Водоемом мрака и света.

О, достойней есть, величавей
Города пред Твоими очами,
Жемчуга на Твоей державе,
Цепь лампад во вселенском храме.

Но в лукавой, буйной столице,
Под крылом химер и чудовищ,
До сих пор нетленно таится
Наше лучшее из сокровищ.

Поколений былых раздумья,
Просветленных искусств созданья,
Наших вер святое безумье,
Наших гениев упования,

Смолкший звук песнопений, петых
В полумраке древних святилиц,
Правда мудрых письмен, согретых
Лаской тихою книгохранилищ...

Не кропи их водою мертвой!
Не вмени нам лжи и подмены!
Опусти святой Омофор Твой –
Кровлю мира – на эти стены.

1952 год, Владимирская тюрьма. Сохранил энергию жизни, энергию святости, за что
ему и спасибо.